

Культура - 2001 -
22 - 28 нояб. - с. 12

А если без шуток?

Геннадий Хазанов об Аркадии Райкине

Казалось, неделя (а то и побольше!), когда широчайшим образом отмечалось 90-летие Аркадия Райкина, была столь насыщена юбилейными "принадлженностями", что добавить что-либо новое, свежее, оригинальное просто невозможно. Придумать, не повторяясь, тексты дифирамбов, супервосторженные эпитеты в оценке экстра-таланта, добавить подробности формирования уникального облика Человека-легенды (тривиальное выражение) — разве кому удастся?.. Удалось, оказывается. Эксклюзивный монолог об Аркадии Райкине, который любезно согласился поместить на страницах нашей газеты Геннадий ХАЗАНОВ, — неоспоримое тому доказательство. Небезынтересно предпослать короткий комментарий к этой публикации: на заре восхождения своего юного коллеги на эстрадный олимп Аркадий Исаакович предвещал ему блестящее будущее. "Он не только умеет смеяться, — говорил мэтр, — в нем еще высокая грусть — оборотная сторона умного смеха". Вот эта оборотная сторона "умного смеха" и помогла Геннадию Хазанову во всем. Помогла и на сей раз.

Любопытство меня терзает давно и мучительно. Все хочется распознать, откуда так прочно произошло у нас упорно стадное чувство — все делать вместе, "скопом", разом вспоминать, прославлять, трубить во все трубы и так же "разом" забывать, словно ничего и не было. Может быть, вообще такова человеческая природа? Или это печальные рецидивы воспитания в период тоталитарного режима? Так покамест и не установил истину. Однако накипело желание пропеть своим голосом в общем хоре и возразить бесфамильным оппонентам (чрезвычайно много их, чтобы называть поименно). Уж слишком старательно делают нынче Аркадия Райкина несчастной жертвой времени: копали, мол, под него, подлавливали на политических грехах, чинили всяческие препятствия, запрещали, подвигали строжайшей цензуре, старались повернуть на "чистую комедию", чтобы не задавался высокими идеями, гуманизмом. А искусство большого художника, к какому бы жанру он ни обращался, всегда гуманистически целенаправленно. Благодаря своему божественному дару, неповторимому богатству актерской палитры Райкин ухитрился подняться над злобой дня и вульгарно-социологическим направлением, нацеленным на отдельные недостатки.

Несмотря на свою настойчиво громкую, открытую деятельность, Райкин никогда не сидел в тюрьме, не диссидентствовал, а подковы, давления — это было закономерное противодействие защитников идеологии. Более того, Аркадий Райкин никогда не был борцом с идеологией, даже когда в начале 70-х годов

в один из его фельетонов включены были ленинские цитаты последних лет и создалось ощущение, что заветы вождя как бы подвергаются осмеянию или отрицанию. Естественно, подобное не могло не вызвать реакции власть имущих. Так что я не стал бы делать упор на том, какие у него всегда были сложности. Это естественно: он не занимался жанром, в котором поют хвалебные гимны во славу чванства, хулиганства, бюрократии, глупости, хамства.

Неприятностей на его долю, что говорить, выпало множество. Достаточно вспомнить переезд его с театром в Москву — какие чинились препятствия! Что, жители Марьиной Рощи не хотели Аркадия Райкина принимать в столице? Да, специально находили людей, которые возмущались, что у них отбирают близлежащий кинотеатр. Что было правда! Единственный в округе. И тогда пришлось строить другой кинотеатр. А лучше бы сразу построили другой, но не было такой возможности. Тогда по распоряжению Леонида Ильича Брежнева кинотеатр "Таджикистан" превратили в Театр миниатюр Аркадия Райкина — вопрос решили. Значит, трудности существовали, но не все, что делалось, было плохо. Так что изображать Аркадия Исааковича страдальцем неверно. Тем более, вспомните, в 68-м году он получил высшее звание — народный артист Советского Союза, а потом стал Героем Социалистического Труда. Артист-сатирик — и такое звание! Разве это страдалец? Конечно, все определяла сила его таланта. Обстоятельства сложились уже такие, что ничего нельзя было с ним сде-

А. Райкин

лать (кроме подлых сплетен, которые время от времени просачивались в компании обывателей — вроде разговоров о попытках артиста "убежать", точнее, уплыть, на каком-то катере с огромной суммой денег в Турцию или скрыться в Штатах, в Израиле и т.п.). Я думаю, Райкину достался очень хороший человек в партийной номенклатуре. Там ведь тоже не все были одинаковы: не все — Толстиковы, Романовы, Гришины и их же с ними. Были там и Примаков, и Александр Николаевич Яковлев, и Горбачев. Партия существовала одна-единственная, но она выбирала людей с разными характерами и взглядами.

Кто-то отличался консерватизмом и считал, что функции Райкина вредоносны, а либералы видели в его деятельности большую пользу, ценили ее.

На мой взгляд, Аркадий Исаакович прожил очень счастливую жизнь, несмотря на трудности организационные и творческие. Он получил в Москве театр, на его счастье, у него талантливый сын, и он смог дать ему возможность не только реализоваться самому, но и найти новому театру свое направление. Ведь к тому времени, как пришла пора смены поколений, райкинский театр, на мой взгляд, себя исчерпал, стал уже бесперспективным.

Нельзя же на протяжении долгих лет качать нефть из одной скважины — она опустеет. Так стилевые возможности жанра, избранного Райкиным, оказались выжаты им до максимума. Пришла другая жизнь, то, чему Райкин уделял такое внимание, уже перестало быть прерогативой жанра. Пришли альтернативные партии, альтернативные средства массовой информации. Шестую статью отменили уже после его кончины, но к этому все шло. И гласность тоже не помогла жанру, а выбивала почву из-под его ног. Все менялось, и сам мэтр в последних работах был другой — психологизм, глубина образов стирались.

Сейчас, когда прошло без малого 15 лет, как ушел от нас этот художник, мы стали понимать, что в пору, когда он был в зените славы, не все в окружающей жизни было так ужасно, а талантливые слова художника имели большой вес. Я не знаю, как бы откомментировал Райкин жизнь 90-х годов нашего столетия. Не знаю, как бы он отнесся к тому, что во время его выступления звонят мобильные телефоны и зрители позволяют себе отвечать на звонки. Не представляю себе, как бы отреагировал он на приглашение выступить в богатом ночном клубе или в казино. Не знаю. У меня нет уверенности в том, что он испытывал бы от всего этого большую радость. И в этом смысле максимум, который возможно было бы извлечь из этого человека, неизвестно что дал бы. И еще одно добавлю: свобода высказывания (как ратовал за нее в своем творчестве Райкин!), возможность иметь альтернативную точку зрения никак не предполагала жизни под выстрелы автоматических очередей и пулеметов. Мы все были немного идеалистами, и нам казалось, что в социализм можно войти с человеческим лицом. А на самом деле социализм с человеческим лицом, не прошедшего стадии развитого капитализма, не бывает. Вот этого никто из нас не понимал. И в первую очередь Райкин. Он был абсолютным романтиком, идеалистом, искренне верящим, что природу человека можно переделать. И искренне считал, что, если он не скажет правду, ее не скажет никто. Мессианство, возможно, наивное. Но, с другой стороны, может быть, именно оно давало ему возможность до последних дней жизни верно прослужить тому делу, которому он всю жизнь так талантливо служил. Хотя я думаю, что не он служил, а Бог выбрал этого мальчишка с нездоровым сердцем, одарил его уникальным талантом и поставил знак — он должен действовать... Он — усмиритель, он — гонимый, он — звонок, он — колокол, реагирующий не только на существующие, но и на возможные потенциальные опасности.

Не обращая истории вспять, сегодня понимаешь, насколько все мы были наивны, мечтая о разных точках зрения, о набитых товарами поездах, об отсутствии очередей за товарами. Мы не понимали, что отсутствие очередей — это в первую очередь отсутствие идей. Потому что границы, искусственно выставленные, как теперь оказывается, имели нравственные составляющие. Люди не мерили свою жизнь маркой автомобиля. Значит, не все

так глупо было — просто организовано кондово, но я не знаю, позволяло ли то время организовывать по-иному. Не знаю. Ни одного примера не было. Даже Китай, страшно нищенская страна, ратуя за коммунистическую идею, занимается рынком.

Когда начиналась перестройка, думаю, Райкин был счастлив результатом своей деятельности, не зная и не предполагая, во что все это выльется. Когда-то писатель Горюхицкий в беседе со мной сказал странную вещь: "Ты знаешь, как я отношусь к коммунистам. Но ты не можешь себе представить, что начнется, когда они уйдут от нас". Разговор происходил в начале 70-х годов. Он страшился материальных векторов толпы. Писатель создал рассказ "Письмо в будущее", где утверждает, что народ должен наесться колбасы и нашить множество платяев из хороших тканей, никаких других интересов у него нет. К счастью, Райкин этого не застал — он умер в счастливом неведении. До 64-го года — расцвет дарования, а дальше, последнее десятилетие его жизни, там уже можно говорить об "остаточном легком жанре". Появилась потребность в исповеди, и художественные достоинства программ стали ниже. На мой взгляд, мастер сделал правильный вывод, хотя и во вред себе, но человеческая сущность не позволяла ему поступать по-другому. Пришло ощущение конца. Часто эта мысль его посещала и, конечно, тревожила. К осени 77-го года Райкин стал все глубже задумываться, зачем выходить на сцену в "дремучем царстве"?

Сегодняшнее бескультурье — результат многолетнего искусственного насаждения культуры. Самый красноречивый пример тому — навязывание симфонической музыки тем, кому она совершенно не нужна. Это рецидивы тоталитарного режима. Получается нелепая ситуация: в советское время не было выбора — куда пойти, чем интересоваться, что смотреть и слушать. Сейчас есть право выбора, совершенно свободного, но те, кому хочется посетить хороший концерт, лишены возможности это сделать, потому что нет денег. А тем, кто посещает этот концерт, он совсем не нужен, нужно лишь поставить галочку, засвидетельствовать — "я тоже здесь!". Досадная нелепость! Положение изменится, непременно. Не знаю, когда, но изменится. Революции нет, а есть эволюция, которая, правда, не тянет на мажор.

Записала
Мариям ИГНАТЬЕВА